

ЧАЙ

Сарояноведы (к счастью, есть уже такие) подсчитали, сколько написано знаменитым американским писателем рассказов и пьес. В публикациях о творчестве Сарояна исследователи непременно отмечали тот факт, что писатель еще полон сил и энергии, а это значит, что число его новых произведений, к общей радости, будет расти.

Но вот пришла печальная весть из американского города Фресно: на семьдесят третьем году жизни скончался Уильям Сароян. Отныне больше не будет расти число, определяющее объем работы писателя. Но можно не сомневаться, что с годами появятся все новые и новые работы о самом Сарояне. Будут писать о его замечательных книгах, излучающих свет. Будут писать о нем самом как о человеке, как о выдающемся гражданине-борце. Писал о варпете, как ласково его звали в Армении, и я. По правде говоря, я просто не мог не писать. Делал это, кроме всего прочего, как говорится, по долгу службы корреспондента «Литературной газеты». А несколько бесед, опубликованных в нашей газете, были впоследствии перепечатаны в армянских изданиях, выходящих во многих странах мира.

С Сарояном я подолгу путешествовал. Ни разу в его присутствии не позволял себе записывать в блокнот какую-либо мысль, какое-либо слово. Прежде всего я этого не делал потому, что он сам постоянно вел записи в блокнотах, на полях газет, на салфетках. И помню, когда «Литературная газета» опубликовала наш диалог «Яблоки — звезды... Это великолепно!», Сароян спросил меня: «Когда же ты все это успел? Мы же с утра до вечера, можно сказать, находились в движении...» Я ответил ему же словами, которые он часто любил повторять: «Главное, почувствовать материал, а написать — дело, как говорится, техники».

Уже после публикации нашего первого диалога Сароян довольно часто спрашивал о роли печати, точнее газет, в нашей стране, о тиражах, о влиянии их на общественное мнение. Дело

в том, что он любил печатать свои рассказы в газетах. Хотя, как он признавался, ни разу не выступал с чисто журналистской, публицистической статьей. Правда, он не скрывал и того, что все его пьесы и рассказы в основе своей публицистичны. Расспрашивал о самих темах, которые пытается раскрыть «Литературная газета». Я пересказывал содержание некоторых статей. Сароян слушал с интересом, но по всему было видно, что не очень верит. Напросился даже, чтобы я его повез в редакцию. И в кабинете главного редактора «Литературной газеты» откровенно выразил удивление по поводу того, что у нас так много и так обстоятельно пишут о недостатках. «Государство, — говорил он, — как живой человек. Оно должно уметь посмеяться над собой, и подтрунивать, и даже иронизировать. Это, если хотите, говорит о хорошем «характере» государства». И добавил, что собирается к двухсотлетнему юбилею США написать вещь, в которой радостного будет меньше, чем печального. Но от этого пользы будет больше, чем вреда.

В последний его приезд мы ровно месяц путешествовали по стране с Сарояном. Рига и Ленинград, Москва и Ереван, дороги Армении и морские прогулки в Одессе. Я когда-нибудь напишу об этом. О нашем путешествии. А писать надо хотя бы и потому, что это было последнее пребывание Сарояна в Советском Союзе. И я был последним, кто видел у нас большого писателя и большого друга нашей страны. Сейчас же я хочу поведавать лишь одну историю, о которой довольно часто вспоминал Сароян. Вспоминал не без улыбки. Пять раз он посещал нашу страну. Говорил о ней с гордостью. Радовался ее успехам. Но вот малюсенькая деталь, которая никак не забывалась. Впервые он приехал к нам в 1935 году и уже тогда обратил внимание, что есть у нас одна, кажется, неразрешимая проблема. И проблема эта осталась неразрешенной до сегодняшнего дня. Она остро стоит в Риге и Ленинграде, Москве и Ереване. Она такая крохотная и такая огромная, что ее нельзя не решать. И Сароян сказал: «Это — тема. Это материал. И не для рассказа, а для публицистики. Об этом надо тебе писать. И чтобы других не обидеть, пиши о своих соотечественниках. Умные не обидятся, поймут, а дураков не слушай. Ведь нас во время поездки встречали добрые, милые люди. И они хотели, чтобы было как лучше. Обо мне можешь не писать. А то получится, что причина только во мне. Я же не хочу выглядеть нытиком и брюзгой...»

Признано всеми: Сароян — человек мудрый. А мудрецов, как известно, грешно слушаться. Но на сей раз я все же ослушаюсь.

Мало того, всех действующих лиц, как о них говорил Сароян, милых и добрых людей, я назову подлинными именами.

Сароян давно мечтал побывать в Зангезуре. «Только и слышишь, что патриархальная Армения осталась в Зангезуре да Карабахе, — часто говорил он, — непременно надо поехать». И мы поехали. В машине нас было четверо: Уильям Сароян, Серо Ханзадян, Ваагн Давтян и я. Ехали через районы Араратской долины поздней осенью. То справа, то слева, то спереди показывался двуглавый Арарат. Порой священная гора так близко выростала перед нами, что казалось, ты взбираешься на нее. Собственно, если задумаешься, так оно и есть. Мы ехали на высоте примерно тысячи метров над уровнем моря. А вершина Арарата — чуть больше пяти тысяч метров. Словом, мы ехали по склону горы. В машине было шумно. Весело. Сароян громко разговаривал и хохотал. Он был глух на правое ухо.

Поднимаясь по Советашенскому перевалу, Сароян повернулся ко мне и спросил: «Когда и где мы остановимся?»

— В Ехегнадзоре, — ответил я и протянул ему административную карту республики.

Карта очень обрадовала Сарояна. Он отметил вслух, что любая поездка с картой получается какой-то осознанной, а потому и приятной. Потом он стал по слогам выговаривать: Е-ге-егнад-зор.

— Там мы и перекусим, — сказал Ваагн Давтян, — кстати, там нас встретит Мартун. Он зять Серо Ханзадяна.

— Зять — это хорошо, — вставил Сароян, — моя дочь этого не хочет понять. А то бы давно вышла замуж. Вот и нет у меня до сих пор зятя. Это хорошо, что мы будем гостем у зятя самого Серо. А как там с нашей проблемой?

Последний вопрос был задан мне. Никто из присутствующих, кроме меня, не знал сути и смысла этого вопроса. Еще в Риге (или Ленинграде) американский писатель признался, что у него накопилось очень много вопросов, и часть из них вселенского масштаба. А вот проблема — одна. Слово «проблема» он всегда произносил по-английски. Произносил и хохотал. Речь шла о чае. Сароян, ничуть не желая обидеть хозяев страны, с удивлением сказал, что у нас целая проблема — выпить чаю. Проблема именно потому, что человек не может выпить стакан чая тогда, когда ему этого хочется. Тогда же, не то в Риге, не то в Ленинграде, я довольно лихо решил эту проблему: купил огромный ярко разрисованный термос и назвал его «Нет проблемы». Причем эти два слова я всегда произносил тоже на

английский лад — «ноу проблем». Сейчас, по дороге в Зангезур, я, к сожалению, не взял с собой термоса. Собственно, мне и в голову не приходило, что он понадобится. Как-никак мы дома. И я ответил на его вопрос традиционным: «Ноу проблем». Сароян широко улыбнулся. Он хотел чаю. И верил, что чай будет.

Нас встретили руководители района. У самой дороги стояла небольшая группа людей. Хозяева и гости приветствовали друг друга. Говорили горячо, и каждый был уверен, что слушают только его. Рядом, совсем рядом, текла река. Сароян обратился на нее внимание и спросил:

- Как река называется?
- Арпа!
- Та самая...
- Та самая, которую ждет Севан.
- Я должен ополоснуть лицо этой водой.

Идея понравилась всем. И гурьбой направились к Арпе. По дороге, улучив момент, я спросил Мартина Айрапетяна: «Как там с чаем?» Он улыбнулся, провел рукой по моим плечам. Весь его вид говорил только об одном: мол, можешь не волноваться, все будет в порядке. Не преминул перечислить блюда предстоящего меню. Я был голоден и от одних только названий почувствовал волчий аппетит. «И все-таки главное для старика — чай, — сказал я, — ты там распорядись». Он опять улыбнулся и громко добавил: «Будет тебе хоть целая бочка чаю». Я хотел было вставить, мол, бочки не нужно. Хотя бы стакан. Но промолчал. Неловко как-то мне стало. Вдруг и в самом деле все здесь у людей учтено до мелочей, а я тут лезу назойливо со своим предложением.

В какой-то момент мы оказались с Сарояном рядом, и я громко сказал: «Ноу проблем». Могучий сарояновский хохот заглушил шум Арпы. Смех был заразителен. И смеялись все.

Стол был действительно богатым. Более двух часов довольного изнурительной дороги сделали свое дело. Ужасно хотелось есть. У всех не сходили с лиц улыбки. Наверное, никто никогда не сумеет описать состояние изрядно проголодавшегося человека, который зачарованно водит взглядом по пышно сервированному столу. Говорят, в такой миг человек способен на самые добрые дела. И мне захотелось сделать доброе дело. Я все-таки напомнил хозяину, что для полноты картины нужен стакан крепко заваренного чая. В ответ я опять увидел чарующую улыбку хозяина. Она, по-видимому, означала: «Да будет тебе и чай тоже».

Гости расхваливали форель. Речная форель размерами куда меньше, чем севанская. Но вкуснее. Правда, это, наверное, именно тот самый случай, когда можно сказать: «О вкусах спорят». Ибо армяне всегда спорят, когда речь идет о вкусовых качествах севанской и речной форели. Спорили и за нашим, ехегнадзорским столом. Молчал лишь Сароян. Несколько раз я ловил его вопросительный взгляд. По опыту знал: старик хочет чаю. Я тихо сказал: «Ноу проблем». Но он уже не смеялся. Он уже перестал есть. А блюда все приносили и приносили. Я довольно раздраженно и громко справился о чае. И тотчас же извинился за свой тон. Но чая еще не было. Наконец не выдержал и вышел из-за стола. Вошел в святая святых всех ресторанов — на кухню. И мне стало плохо. На огромной плите стоял огромный чайник. Судя по росинкам-бусинкам на крышке, вода в нем была еще холодная. Я прикинул. Чайник закипит через час, а то и два. А мы хоть и вольные птицы, путешественники, но все же придерживаемся графика. Уже через час должны быть в Джермуке. Там нас ждут. Люди предупреждены. Неудобно опаздывать. Поваров попросил приготовить пару стаканов чая. Мне ответили: «Не беспокойтесь. Подадим шашлык, а потом хашламу, поедите, а к тому времени чай будет готов». Когда я вошел в шумную комнату, где произносился очередной тост, Сароян понял по всему моему виду, что «проблема есть». Он подмигнул мне. Улыбнулся. Дал понять: мол, не переживай, то, что сейчас нет чая, это не самое страшное.

До Джермука ехать каких-нибудь полтора часа. Сароян то и дело разворачивал карту и изучал маршрут. После обильного стола уже не так хотелось болтать, как раньше. Но все же разговор не затихал. Как-никак — четыре пассажира да еще шофер. Каждый скажет по фразе — уже беседа. По дороге мы остановились у входного портала тоннеля Арпа — Севан. Показали гостю то самое место, которое скоро станет дном Кечутского водохранилища. Кто-то из нас заметил, что к нам приближается вереница машин. Серо Ханзадян сказал: «Это местное начальство. Видать, беспокоится, что опаздываем». Так оно и было. Местное начальство ждало нас. Среди встречавших был мэр города Джермука Завен Вартамян. Я его знал давно. Пока познакомились, пока суд да дело, я схватил за рукав Вартамяна и отвел в сторону: «Прошу тебя, слушай меня внимательно. Как только приедем в город, организуй чай». Бог мой, что тут было. Оказалось, я своим предложением просто напрасно оскорбил самих джермуковцев, известных всему миру редкостным госте-

приимством. Мэр города так и сказал: «Не о чем беспокоиться. И вообще знай: вы в Джермуке, а не где-нибудь там...» Он, правда, так и не сказал, где именно «там».

Сели за очень широкий стол овальной формы. Он был накрыт со знанием дела. Изысканно. Не было только приятного ощущения голода и еще... не было чая. В основном ели хозяева. В отличие от нас они были страшно голодны. Говорили длинные речи. Приводили цифры, иллюстрирующие экономические успехи края. Гость, ради которого, собственно, все это было организовано, уже не только не ел, но не был в состоянии слушать. Ему явно было плохо. Семьдесят лет. Страдает желудком. Об этом я узнал случайно. Как-то заговорили о болезнях, и Сароян, зная, что я врач, стал расспрашивать о симптомах желудочно-кишечных заболеваний. На мой вопрос, мол, не болеет ли сам, Сароян ответил: «У нас в Битлисе просто запрещается выставлять на вид собственные болячки. Так что я помолчу. Могу лишь сказать: я здоров, как бык и дряхл, как развалина».

Я не вытерпел. Выскочил на кухню. Но меня остановили. Вернули назад. «Ай, ай, ай! Да разве так можно! Ай, ай, ай! Разве можно гостю беспокоиться. Это же Джермук. Все будет! И чай будет! И кофе будет! Мы еще хашламу не подали. У нас ведь еще есть сюрприз».

Я уже не помню, что это был за сюрприз. Кажется, огромные, как футбольные мячи, шары кюфты, точно не помню. Помню лишь, что чай появился где-то к полуночи. Появился после того, как раздосадованный и порядком намаявшийся Сароян уже вышел из-за стола и отправился спать.

По графику на следующее утро мы должны были продолжить маршрут в сторону Гориса. В сердце Зангезура. Джермукские отцы города знали о нашем расписании и потому рано утром пригласили на завтрак. Прощальный завтрак. Я почему-то был уверен, что после вчерашней оплошности непременно, как только сядем за стол, подадут чай. Ах, если бы это был «завтрак аристократа», сродни изображенному на полотне Федотова! Но это вообще был не завтрак, а скорее обед для чемпиона-тяжеловеса. Стол был накрыт как на свадьбу. Уже пошли прощальные тосты в честь высокого гостя и сопровождающих его лиц, но чая еще не было. Напряжение нарастало. Нужно уходить. Плохо было не только пожелтевшему от «бесчаевой» диеты Сарояну. В конце концов, все мы дети одного века. А в наш век каждый из нас по утрам пьет наспех стакан чая, заеда

его то крохотным бутербродом, то ложкой-другой творога со сметаной. И больше ничего. И так до обеда. В конце концов я хочу сказать: не только знаменитому писателю из Америки, но и знаменитому писателю Армении Серо Ханзадян, знаменитому поэту Ваагну Давтяну и всем нам хотелось всего лишь одного — стакана хорошо заваренного чая. Так что напряжение и впрямь нарастало. Друг на друга не смотрели. А речи тем временем текли и текли. И вот в то самое время, когда по всем законам природы стресса должен был произойти взрыв, шок, в зал вошел небритый детина и громко спросил: «Чай или кофе?» Все замерли. Серо Ханзадян, не поднимая головы, процедил: «И пива тоже!»

Когда мы уже выходили из зала, навстречу несли на подносах чашечки и стаканы в подстаканниках. Я обратил внимание, что кофе был густым и черным как смола. Чай был прозрачным как вода. Перед тем как отправиться в дорогу, я решил позвонить в Горис. И пока гостей знакомили с достопримечательностями Джермука, я ждал у телефона. Наконец послышался протяжный междугородный звонок. К счастью, трубку взял человек, от которого зависит все и вся в районе. Арам Арутюнян. Я обрадовался. Думал: наконец-то теперь действительно «ноу проблем». И я говорил в трубку бодрым, радостным голосом. Просил, чтобы к нашему приезду организовали чай. Чай, и больше ничего. Бывает же стол, на котором стоят красивые фарфоровые чашки с ароматным чаем. Сахар, конфеты, десерт. Это же так здорово и так просто. Ну а захочется поесть, всегда же можно организовать еду. Арам Арутюнян слушал меня, как я чувствовал, невнимательно. Он часто перебивал и задавал мне совсем не те вопросы. Например: «Что он больше любит пить, тутовую или кизилую?» На этот вопрос я, помнится, ответил: «Чай». И сразу почувствовал, что на другом конце провода на меня обиделись. Под конец трубка вообще дребезжала: «Да за кого ты, в конце концов, нас принимаешь? Какой еще чай? Будет тебе цистерна чая. Мы тут, несмотря на дождь, ждем вас с нетерпением, а ты со своим чаем пристаешь. Приедете, посмотрите, что мы вам наготовили. В Горисе отдельно. В Татеве отдельно. А ты чай. Хоть цистерну. Только приезжай скорей». Я так и не успел сказать, что цистерна нам не нужна. Всего по стакану чая. Послышались гудки.

Мы спешили в Горис. По серпантину то взбирались на вершину перевала, то спускались в долину. Моросил дождь. «Дворники» ритмично чистили ветровое стекло машины. Вре-

менами, особенно на самом перевале, нас окутывал густой туман, который рассеивался при спуске. Настроение было подавленное. Пытались шутить — ничего не выходило. Как наш гость ни старался скрыть свой недуг — ничего не выходило. Он улыбнулся. Смеялся даже. Он был бледен и время от времени растирал живот. Я признался, что позвонил в Горис и что нам обещали цистерну чая. Сароян смеялся. И сказал, что своей рукой напишет на цистерне «Ноу проблем».

За очередным поворотом показались легковые машины, бессистемно разбросанные у дороги, словно костяшки домино на столе. Расстояние между нами и машинами сокращалось с каждым миготом. Несмотря на морозящий дождь и дымку, мы увидели снующих взад-вперед людей. Не успели остановиться, как словно из-под земли выросла перед нами дюжина добрых молодцев. У каждого доброго молодца в руках было по дюжине длинных шампуров готового уже шашлыка. Откуда-то из тумана, словно на фотобумаге, проявился еще один дюжий молодец. У этого в руках был бочонок и граненый стакан. Сароян засиял. Он все еще не выходил из машины, опустил стекло дверцы и с жадностью посмотрел на бочонок. Потом перевел взгляд на меня и спросил: «Цистерна?» Я улыбнулся. Вагн Давтян сказал: «Настоящая цистерна». Добрый молодец тем временем ловко наполнил граненый стакан жидкостью соломенного цвета. Поднес его Сарояну. Я заметил, как на поверхности соломенной жидкости по кругу расположились крохотные бусинки. Нет сомнения — тутовая водка. Зангезурская, она же и карабахская тутовка. Крепость от шестидесяти пяти до семидесяти трех градусов.

Сароян отвел руку доброго молодца, отвернул лицо от пахучих шашлыков, которые вертелись у самого носа. Он жалобно посмотрел на меня: мол, где же твоя цистерна? Цистерны, как выяснилось, не было. Не было и крохотного чайника или термоса. Чай, как нам сказали, будет вечером дома, где накрыт праздничный стол для дорогих гостей. А пока — пир прямо на дороге. Пока нужно устроиться здесь же, рядышком в специальном домике, как раз специально построенном для дорогих гостей. Вид у дома современный. Даже романтичный. На берегу озера. Только вот в домике холод собачий и ни капли горячей воды. Мы-то что? Мы привыкли ко всему. А гость наш сначала заскучал, потом захандрил. Потом громко сказал, что, если сию минуту он не попьет чаю и не примет ванну, может просто-напросто умереть. Узнав о том, что до Кафана нигде не

будет горячей воды, что с чаем еще горисцы кое-как справятся к вечеру, а вот с горячей водой — беда, Сароян решительно направился к машине.

Тщетно я пытался уговорить старика. Я говорил, что так неудобно — его ждут люди. В Горисе, в Татеве. Напомнил, что неловко и перед Серо Ханзадяном. Как-никак, его родина. Но старик был неумолим. Он только, не глядя мне в глаза, процедил сквозь свои легендарные белые усы: «Серо меня простит. Я как-нибудь извинюсь перед ним. А сейчас — ехать!» Теперь уже мы с Ваагном Давтяном думали не о Сарояне, а о Ханзадяне. Действительно неловко все вышло. Но, с другой стороны, и я, и Давтян, который Сарояна знал больше моего, хорошо понимали, что вопрос уже решен. Не раз бывало, когда Сароян, как говорится, выкидывал подобные фокусы. Он мог в разгар вечера, застолья, пира встать и уйти. Не нравится, скажем, как подолгу болтают за столом, и уходит прочь. А бывало, уходил только потому, что кто-то из гостей ему не нравился. Известен случай, когда он выставил из машины назойливого путника. Как-то я пытался объяснить ему, что так поступать нехорошо. Он возражал. Говорил, что нехорошо подчинять себя кому-либо и подчинять себе кого-либо. А слушать долгие застольные речи, которые ты не хочешь слушать, — это самообман. Словом, мы уже знали, что нужно ехать дальше. К нашему удивлению, если не сказать — к нашей радости, Серо Ханзадян поддержал решение Сарояна. И поступил мудро. Он сказал: «В Горис нельзя въезжать с плохим настроением». Я спросил: «А в Кафан?» Он ответил: «До Кафана еще есть время, что-нибудь придумаем».

Но я решил «придумать» не в дороге. Вновь взялся за телефон. Однако уже не хочу повторяться. Оказалось, я своим предложением оскорбляю кафанцев. Они, правда, ждали нас завтра, но раз нужно сегодня, значит, нужно.

Километров за двадцать нас остановили. Вереница машин в сопровождении ГАИ. Все было. И четкие команды Рафаэля Минасяна — хозяйина здешних мест, и улыбки. И добрые глаза кафанцев. Все, кроме желанного чая. Не было чая и в самом Кафане, когда, устроившись в гостинице с горячей водой, мы сидели за столом. Громко разговаривали и аппетитно ели, как это не раз бывало, только хозяйева. Прошел час, а чая все еще нет. Я поднял шум. И обратил внимание, как удивились и недоумевали официанты и повара, прибежавшие на шум. Они явно не понимали нас. Мол, что, собственно, случилось? Мол, мы и так трудимся в поте лица. Стараемся. Делаем все, чтобы

угодить. Посмотрите, какие отменные блюда. Какой вообще сервис. Мол, мы даже официанта нашли, который владеет английским. А тут вдруг из-за какого-то трехкопеечного чая такой ажиотаж. Так много шуму из ничего.

Наконец подали чай. Надо отдать должное кафанцам, чай был отличный. Сароян пил жадно, едва касаясь губами горячего стекла. Он выдул подряд три стакана. И ожил на глазах. Порозовели щеки. Появился блеск в хмурых глазах. Он стал шутить. Перекинулся несколькими словами по-английски с официантом, владеющим английским языком. Потом, улыбаясь, предложил ему говорить только на армянском. Так понятнее. Взял бокал с «Наири» и произнес тост за Серо Ханзадяна. Старик извинился перед автором «Мхитара Спарапета» за то, что позволил себе, как сам выразился, невольную бестактность на родине Ханзадяна. Он просил и умолял, чтобы не только простили его, но и поняли. Завершил свой тост словами: «На протяжении веков мы растеряли много добрых и мудрых традиций, в том числе, как видно, и добрую, мудрую традицию угощать гостя или путника прежде всего чаем. У нас в Битлисе чай так и называют «чай». Хотя, насколько я знаю, армяне испокон веков напиток этот называют, как в Старом и Новом свете, «тей». Доброй и мудрой традицией мы поделились, как видно, и с друзьями, и с врагами. Теперь надо возродить...»

Он залпом осушил рюмку «Наири» до дна. Протер белой салфеткой белые как снег усы. Весь какой-то бодрый и живой, повернулся ко мне, подмигнул, громко произнес «Нюу проблем» и заразительно расхохотался.